

Г. Н. МАКАРОВ

К ВОПРОСУ ОБ ОТГРАНИЧЕНИИ СЛОЖНОГО СЛОВА ОТ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема сложного слова теснейшим образом связана с проблемой „отдельности слова“, а также с вопросом о фразеологической единице и словосочетании¹. Эта проблема является особенно важной для финноугорских языков и, в частности, для финского языка, т. к. здесь не существует резкой границы между сложным словом и словосочетанием. Наиболее продуктивным способом обогащения словарного запаса литературного финского языка наряду с суффиксальным словообразованием в области имен существительных является словосложение. Сложные слова в словарном составе финского языка по сравнению с некоторыми другими языками составляют исключительно большой процент. В этом можно убедиться хотя бы на примере подсчета количества сложных слов перевода на разные языки „Предисловия автора“ в романе М. Ю. Лермонтова „Герой нашего времени“. В небольшом художественном отрывке (около 50 строчек) в русском тексте имеется два сложных слова, в немецком переводе 14, в английском 12, в эстонском 21, а в финском 24, в том числе 17 сложных имен существительных.²

В финском языке все части речи могут вступать в соединительные отношения между собою и друг с другом и образовывать сложные слова. Вопросы сложного слова в финской языковедческой литературе затрагивались в ряде работ³, однако проблема отграничения сложного слова от словосочетания в них ставилась только применительно к практическим требованиям школьного обучения правописанию. Исследуя многочисленные случаи правописания сложных слов в своей работе „Руководство по фонетике и правописанию финского языка“,

¹ Словосочетание понимается не в прямом смысле слова как любое сочетание слов, а как форма синтаксической связи слов в предложении, как определенная синтаксическая единица.

² Подсчет на основании орфографии (слитного написания слов).

³ А. Ahlqvist. Liittosyntytivistä nimeistä suomen kielessä, „Kieletär“, 1872, 2. vihko, стр. 29—44 (А. Альквист. Образованные по способу сложения имена существительные в финском языке.); М. Airila. Suomen kielen yhdysadjektiivit, „Virittäjä“, 1938, 3. vihko, стр. 357—363 (М. Айрила. Сложные имена прилагательные в финском языке.); М. Sadeniemi. Lukusanoista yhdyssanan alkuosana, „Virittäjä“, 1954, 3. vihko, стр. 341—344 (М. Садениеми. О числительных в качестве первого компонента сложного слова); Н. П. Мичурина. Сложные слова с падежно-неоформленным первым компонентом в финском языке, Советское финноугроведение, I, Учен. зап. ЛГУ, серия востоковедч. наук, вып. 2., 1948, стр. 139—147 и др.

А. Пенттиля признает, что „очень трудно дать общие и обязывающие советы, на основании которых пишущий во всех случаях мог бы решить, образуют ли два или несколько слов (sanajono) в финском языке сложное слово или словосочетание (sanallitto)“, ¹ понимая под „словосочетанием“ в данном случае лишь раздельное написание слов-компонентов, которые в сложном слове должны бы писаться слитно. Для решения этого вопроса в каждом конкретном случае автор „Руководства“ отсылает читателя к словарям. Толковый же словарь современного финского языка („Nykysuomen sanakirja“) в таких случаях, приводя то или иное заглавное слово в качестве сложного слова, то и дело сопровождает его пометой „paremmiin ◊“ „лучше раздельно“, или „tuo ◊“ „также раздельно“, давая, таким образом, возможность читателю решить самому, считать ли данное образование сложным словом или словосочетанием.

Определение сложного слова в школьном учебнике финского языка У. Туурала звучит так: „Сложные слова — это такие слова, которые можно расчленил на два или более самостоятельных слова“. ²

Здесь же дается следующее определение словосочетания: „Два слова, которые в предложении тесно связаны друг с другом (kuuluvat läheisesti yhteen), иногда образуют не сложное слово, а словосочетание, например: *niin kauan kuin* „до тех пор, пока“, *ensi kerran* „первый раз“, *viime kuussa* „в прошлом месяце“, *tällä tavoin* „таким образом“ ³.

Такое определение словосочетания является не совсем четким, и не все приводимые автором примеры могут рассматриваться как синтаксические словосочетания. По этому определению и примеру, который здесь приводится (*niin kauan kuin*), словосочетаниями могут считаться только устойчивые обороты речи. Словосочетание понимается и толкуется автором учебника не как грамматическое единство и не как синтаксическая единица, а как „тесно связанные друг с другом слова“, т. е. устойчивые обороты речи или фразеологические единства. Понятие „тесная связь“, о котором говорит У. Туурала, понимается здесь как устойчивая связь, идущая иногда вразрез с современными нормами языка. В приводимых им примерах такая связь представлена довольно редким исключением из общих правил согласования определения с определяемым в современном финском языке: *tällä tavoin* (вместо *tällä tavalla*).

Вопроса сложного слова и словосочетания касается Д. В. Бубрих в своей работе „Историческая морфология финского языка“, где он говорит, что различие сложных слов и словосочетаний не всегда является легким и что все сложные слова возникли из словосочетаний или по аналогии со словами, возникшими из словосочетаний ⁴. Подробно рассматривая принципы образования сложных слов, в своем изложении Д. В. Бубрих не дает формулировки понятия словосочетание, подразумевая под этим (как это выясняется из дальнейшего изложения), очевидно, лишь такие сочетания имени прилагательного с именем существительным, которые связаны согласованием в числе и падеже и которые в отличие от сложных слов пишутся раздельно. ⁵

¹ Aarni Penttilä. Suomen kielen äänne- ja oikeinkirjoitusoppi, Porvoo — Helsinki, 1948, стр. 63 (перевод здесь и ниже мой. — Г. М.).

² U. Tuurala. Suomen kielen oppikirja, I osa, Petroskoi, 1941, стр. 29.

³ Там же, стр. 29.

⁴ Д. В. Бубрих. Историческая морфология финского языка, изд. АН СССР, М. — Л., 1955, стр. 155, 156.

⁵ Там же, стр. 151.

Тем не менее Д. В. Бубрих приводит правильный критерий отграничения сложного слова от словосочетания, хотя и не до конца раскрывает его. Он говорит об отсутствии „морфологического порога“ (т. е. грамматического оформления. — Г. М.) между двумя единицами в качестве условия для „трактовки совокупности этих единиц как одной сложной единицы“¹. По такому определению безотносительно к частям речи в разряд „одной сложной единицы“, т. е. сложного слова, по мнению Д. В. Бубриха, должны войти и такие сочетания слов, в которых один из компонентов выражен несклоняемым прилагательным, местоимением или наречием, например: *se on aito hopeata* „это чистое серебро“, *pikku tytöllä* „у маленькой девочки“, *koko vuodessa* „в течение всего года“, *joka miehellä* „у каждого человека“, *aika nopeasti* „довольно быстро“ и т. д. (см. на стр. 31). Здесь же автор замечает, что „если из двух единиц, расположенных в твердом порядке (т. е. определение предшествует определяемому. — Г. М.), первая оформлена, связывание их в одну сложную единицу происходит гораздо труднее“². В целом это — правильное положение, но специфика финского языка такова, что „связывание различных единиц в одну сложную“, т. е. образование сложного слова, происходит значительно проще, чем, например, в русском языке. В финском языке мы имеем и такие „сложные“ слова, первый компонент которых может быть в любом из падежей парадигмы финского склонения. Встречаются и такие „сложные“ слова, первый компонент которых имеет при себе: притяжательный суффикс, например³: *paikkansapi'ämätön* „не соответствующий (досл. своей) действительности, не состоятельный“, *paikallaanpolkeminen* „топтанье на (досл. своем) месте“, *puoleensavetävä* „привлекательный, привлекающий (досл. на свою сторону тянущий)“, усилительную частицу: *toisenkinlainen* „и даже другого рода“, суффиксы сравнительной степени: *heikompiuskoinen* „менее верящий“, и даже сочинительный союз между компонентами: *kolmejapuoilivuotinen* „трёх с половиной лет (досл. три- и половина-годовой)“ и т. д.

С другой стороны, в поэтических памятниках более древней поры и в языке „Калевалы“ имеются примеры раздельного употребления неоформленного первого компонента в сложных словах подчинительного типа, компоненты которых выражены именами существительными, обозначающими материал. Раздельность употребления компонентов может быть выражена путем отсечения первого компонента от второго и вставки между ними какого-либо другого слова, или путем перестановки компонентов, т. е. их обратным порядком. Примеры первого типа: *Vaski on hattu hartioilla* „Медный был шлем на голове (досл. медь был шлем на плечах)“, примеры второго типа:

Lauloi lammet tanterelle,
Lamphin siniset sorsat,
Ku' mat kulta, pää hopea,
Kaikki varpahat vasesta.
(Kalevala, XXIX, 176—180)

Сделал он пруды в полях,
На прудах же синих уток,
Златощеких, среброглавых (досл.
брови золото, голова серебро),
Пальцы медные у уток.
(перевод Л. П. Бельского)

В конечном итоге о полном слиянии двух единиц в одну сложную, т. е. о переходе словосочетания в сложное слово, по мнению Д. В. Бубриха, можно говорить лишь „при дополнительном условии семантиче-

¹ Д. В. Бубрих, цитируемая работа, стр. 155.

² Там же, стр. 156.

³ Примеры по цитируемой работе Аарни Пенттиля.

ского сплавления единиц“, обусловленного сдвигом в значении целого по сравнению с „суммой“ значений составляющих его единиц, в случаях вроде *maai'ta* „мир“ (из *taa* „земля“ и *ilma* „открытое пространство, воздух“).¹

Таким образом, в финском языке нельзя говорить о строго определенных правилах образования сложного слова и словосочетания, а соответственно и о способах отграничения сложного слова от словосочетания, поскольку все это зависит от смысловой стороны того или иного образования. Смысловая же сторона образования, как известно, во многом обуславливается контекстом.

С полной определенностью об отграничении сложного слова от словосочетания можно говорить лишь в тех случаях, где налицо имеются определенные материальные показатели, выступающие только или в составе сложного слова, или в составе словосочетания. В финском языке имеются и такого рода показатели, но прежде, чем приступить к их рассмотрению, необходимо выяснить, что понимается под синтаксическим словосочетанием и чем оно отличается от сложного слова.

В связи с тем, что мы не располагаем удовлетворяющим нас определением понятия словосочетание в финской языковедческой литературе, считаем возможным обратиться к теории словосочетания, разработанной в русской синтаксической науке, и на основании ее положений подойти к решению вопроса об отграничении сложного слова от словосочетания в финском языке, учитывая, конечно, всю специфику последнего.

В русской синтаксической литературе вопрос о словосочетании привлекал внимание ученых еще со времен М. В. Ломоносова, который заложил фундамент для изучения синтаксических связей слов, основываясь на учении о частях речи.² В дальнейшем к этому вопросу обращался целый ряд крупных лингвистов. А. Х. Востоков дал глубокое исследование взаимодействия синтаксических связей с лексико-семантическими категориями и наметил основные формы и типы словосочетаний русского языка.³ А. М. Пешковский называет синтаксис „отделом грамматики, в котором изучаются формы словосочетаний“, но увлекшись изучением форм словосочетаний, смешивает понятие предложения и словосочетания.⁴ А. А. Шахматов один из разделов своего „Синтаксиса русского языка“ называет „Учением о словосочетании“, понимая под словосочетанием „соединение слов, которое образует грамматическое единство, обнаруживаемое зависимостью одних слов от других“. При признавая формальную сторону словосочетания как „соединение слов“ и как „грамматическое единство“, А. А. Шахматов между тем приравнивает словосочетание к предложению и утверждает, что „предложение, состоящее из двух и более слов, является также словосочетанием, но словосочетанием законченным, отличающимся по форме от словосочетания „интонацией“, а со стороны значения „соответствием единице мышления“. Незаконченными

¹ Д. В. Бубрих, цитируемая работа, стр. 156—157.

² М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VII, Труды по филологии АН СССР, М., — Л., 1952, стр. 557 и след.

³ А. Х. Востоков. Русская грамматика, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная, СПб, 1831.

⁴ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., М., 1938, стр. 64.

⁵ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, 2-е изд., Учпедгиз, 1941, стр. 276.

⁶ Там же, стр. 274.

словосочетаниями А. А. Шахматов называет сочетания второстепенных членов предложения в их отношении к главным членам или во взаимном отношении друг к другу.

По-новому к исследованию словосочетаний подошел академик В. В. Виноградов, который в своих многочисленных трудах по языку, развивая это учение, создает свою теорию словосочетания, которая представляет собою последовательную систему в решении вопроса о взаимоотношении словосочетания и предложения. В одной из последних работ, в „Введении“ к академической „Грамматике русского языка“, В. В. Виноградов устанавливает основные критерии различения словосочетания от слова и от предложения. Словосочетанием он называет „грамматические единства, которые, возникая из сочетания слов по законам или правилам данного языка, выражают в составе предложения единые, хотя и расчлененные значения“¹.

Словосочетание ставится в связь с предложением как его составной элемент. Он пишет: „Словосочетание только в составе предложения и через предложение входит в систему коммуникативных средств языка... Рассматриваемые вне предложения словосочетания так же, как и слова, относятся к области номинативных средств языка, средств обозначения предметов, явлений, процессов“². Здесь даны критерии словосочетания, отличающие его как от предложения, так и от слова. По своему объему словосочетание шире, чем слово, и представляет собою сочетание не менее двух полнозначных слов, но по своей роли в предложении словосочетание приближается к отдельному слову. Однако по теории В. В. Виноградова не всякое сочетание двух, даже полнозначных, слов может быть названо словосочетанием. Словосочетанием не может быть, например, сочетание существительного (в роли подлежащего) с глаголом или другой частью речи (в роли сказуемого).

Не могут быть словосочетаниями и составные и сложные числительные вроде *пятьсот, двадцать три*, сравни финск. *viisisataa, kaksikymmentä kolme*; сложные местоимения типа *неизвестно кто, кто угодно, невесть что*, сравни финск. *sinne tänne* „туда-сюда“ и др.; сложные временные глагольные формы типа *стал учиться, буду учиться*, сравни финск. *aloin lukea* „начал читать“, *rupean opiskelemaan* „буду учиться“; *olen lukenut* „я читал“ (перфект), *olin lukenut* „я прочитал“ (плюсквамперфект); или сложные глаголы типа *saada aikaan* „исполнять, производить, добиваться, причинять“ (сравни *aikaansaada* с тем же значением), *kirjoittaa alle* „подписать“ (сравни *allekirjoittaa* с тем же значением); *ottaa vastaan* и *vastaanottaa* „принимать“ и т. д. Не следует считать синтаксическими словосочетаниями по теории В. В. Виноградова также и фразеологические единства типа „бог знает где“, „неведомо почему“, сравни финск. *aika ajoittain* „время от времени, временами“, *askel askelelta* „шаг за шагом“, *maan suola* „соль земли“, *nousevan auringon maa* „страна восходящего солнца“ и др., т. е. все то, что не представляет собою синтаксического сочетания слов, а является сложными формами времен глагола, формами составных числительных, фразеологизмами и т. п.³

Свободными синтаксическими словосочетаниями по этой теории являются лишь такие сочетания двух и более самостоятельных слов,

¹ В. В. Виноградов. Грамматика русского языка (Введение), т. II, ч. I, АН СССР, 1953, стр. 10.

² Там же, стр. 10.

³ В. В. Виноградов, цитируемая работа, стр. 21.

которые состоят из полнозначных, не служебных слов и которые внутри предложения образуют грамматическое единство, выраженное формами согласования в числе и падеже (при именах), согласования во времени и числе (при глаголах) или примыкания (при наречиях и некоторых именах прилагательных). Такие словосочетания обозначают сложные понятия, расчленяемые на отдельные составные компоненты или отдельные слова, которые могут быть как простыми, так и сложными. Слова обозначают отдельные понятия.

Исходным положением при решении этого вопроса следует считать то, что словосочетание — это синтаксическая, а сложное слово — лексическая единица. Словосочетание как грамматическое единство возникает из сочетания самостоятельных слов по правилам данного языка, а сложные слова, как правильно указывал Д. В. Бубрих, в финском языке возникают из словосочетаний или по аналогии со словами, возникшими из словосочетаний. Правила формирования словосочетания вытекают из морфологических свойств разных частей речи с присущим каждой из них кругом форм и категорий.

* * *

Сложное слово от простого отличается довольно легко, ибо необходимым условием для образования сложного слова является наличие минимум двух компонентов, имеющих значение самостоятельных слов. Поэтому слова, присоединяющие к себе различные частицы, как например: *-kin*, *-han (-hän)*, *-pa (-pä)*, *-s* и др. не могут считаться сложными словами, т. к. указанные частицы, употребленные отдельно от слов, к которым они относятся, не имеют самостоятельного значения и морфологического оформления. Встречается, кроме того, ряд по происхождению сложных слов, в которых один из компонентов или оба компонента настолько изменили свою первоначальную форму и значение, что в современном языке восстановление их самостоятельного значения или реставрация формы представляет большую трудность. Поэтому некоторые из них воспринимаются уже не как самостоятельные слова, а как частицы или суффиксы. Примером стирания первоначального значения слов-компонентов в составе сложного слова могут служить такие слова, как *niinikään* „также“, *vartavasten* „специально, с умыслом, нарочно“, *ylimalkaan* „приблизительно“ и др. Примером перехода самостоятельного слова в суффикс может служить современный суффикс *-mainen (-mäinen)*, образованный от слова *maa* (*laji, laatu* „качество“) + *inen* и обозначающий вместе „подобный тому, что выражено коренным словом“: *poikamainen* „подобный мальчику“, *lapsimainen* „подобный ребенку“ и др.¹

Jos ei olisi kovin romaanimaista, niin sanoisin, että yrittin vihata sinua.
(Nokelainen, „Tie päättyy...“)
Taidan olla ämmämäinen, sanol Armas alvan ääneen.
(Joenpelto, „Kivi palaa“)

Если бы это не казалось слишком надуманным (досл. *подобным роману*), то я сказал бы, что я пытался ненавидеть тебя.

Пожалуй, я как баба (досл. *подобен бабе*), — сказал громко Армас.

¹ Сложных суффиксов, образованных от слов с самостоятельным значением в финском языке имеется несколько: *-moinen* (из *muo(to)* „форма“): *kaikenmoinen* „всевозможный“; *-lainen* (из *laji* „качество“): *pitkänlainen* „длинноватый“, *kaikenlainen* „всевозможный“ и др., см. А. Ahlqvist, цитируемая работа, стр. 32.

Сложное слово при своем разложении на составные части должно давать такие компоненты, которые могли бы восприниматься в современном языке как самостоятельные слова. Критерием самостоятельности слова, кроме его внутренней целостности, может считаться в финском языке способность слова получить грамматическое оформление. У имен существительных, прилагательных, числительных и местоимений это выражается в форме признаков числа и падежных окончаний в парадигме склонения, у глаголов — в форме личных окончаний, признаков числа, времени, наклонения и т. п. Если же один из компонентов окажется неизменяемым словом и не получает грамматического оформления, как например, некоторые несклоняемые имена прилагательные, местоимения, наречия или междометия, то, чтобы считать его самостоятельным словом, оно должно выполнять присущие ему функции в предложении и иметь характеризующие его признаки. Например, несклоняемое прилагательное могло бы выступать в роли определения имени существительного: *aimo pala* „большой кусок“; неизменяемое наречие в роли обстоятельства при имени прилагательном: *aika kaunis* „довольно красивый“; междометие — получать определение: *Se (tupo) oli pelkkää ai-oi, ah-voi, aattui kol... (Tihlä, „Lehti kääntyy“)* „Оно (стихотворение) было *чистое ай-яй, ах-ой*, словно утренняя заря...“ Прилагательное, кроме того, должно иметь возможность определяться наречием: *kokolailla kelpo mies* „довольно хороший человек“.

Таковы критерии при решении вопроса о самостоятельности компонентов сложного слова.

При отграничении сложного слова от словосочетания следует учитывать, что основным признаком отдельности любого слова, в том числе и сложного, в отличие от словосочетания, является грамматическая цельнооформленность слова, которая материально может быть выражена фонетически (объединяющим ударением), морфологически (наличием особых элементов, выступающих только в составе сложного слова) и синтаксически (своеобразным порядком слов, наличием определений и т. д.).

При каждом из этих показателей цельнооформленности сложного слова должно иметь место явление, которое не находит материального выражения (если отвлечься от правил орфографии: сложные слова пишутся слитно, а словосочетания раздельно), но которое обязательно входит во внутреннее содержание сложного слова — это смысловое единство составляющих сложное слово компонентов. Слагаемые компоненты дают не „сумму“ понятий, а новое единое понятие, нечто „целое“: $A + B = C \neq AB$. Это „целое“ („C“) может очень резко расходиться с „суммой“ („AB“) или ограничиться только незначительным оттенком смысловозначительного характера. На этом основании в финском языке можно выделить так называемые „классические“ сложные слова, когда семантическая спаянность компонентов достигает наивысшей степени и образование в целом мыслится не как сумма слагаемых, а как неразложимое понятие, как идиома. К таким идиоматическим образованиям можно отнести сложные слова типа:

<i>karjunhammas</i>	„головня (досл. зуб борова)“
<i>kannunvalaja</i>	„политикан (досл. лудильщик чайника)“
<i>katinkulta</i>	„слюда (досл. кошачье золото)“
<i>leskenjuoksu</i>	„горелки (досл. вдовый бер)“

В связи с тем, что первый компонент в этих образованиях оформлен генитивно, они могли бы формально образовать словосочетание

(сравни их дословный перевод), но смысловая сторона „целого“ не допускает раздельного употребления составляющих компонентов.

К такого рода сложным словам можно отнести в финском языке и такие образования, первый компонент которых грамматически не оформлен и стоит в форме номинатива, например: *kynäsota* „полемика (досл. карандаш-война)“, *pöytäkirja* „протокол (досл. стол-книга)“, *pesukarhu* „енот (досл. мойка-медведь)“, *puuvilla* „хлопок (досл. дерево-шерсть)“, *mustasukkainen* „ревнивый (досл. черно-чулочный)“, *isoisä* „дедушка (досл. большой отец)“, *pikkuserkku* „троюродный брат, троюродная сестра (досл. маленький двоюродный брат, маленькая двоюродная сестра)“ и т. д. „Целое“ в данном случае не соответствует „сумме“ и разложение на составные компоненты таких образований может привести лишь к раскрытию этимологической природы образования, а не выявлению синтаксических отношений между компонентами. Цельнооформленность здесь совпадает с идиоматичностью образований и причисление их к „отдельной единице речи“ т. е. к сложному слову, не вызывает никакого сомнения.

По этой же модели в финском языке образовано множество других сложных слов, в которых идиоматичность выражена не так ярко или доведена до минимума, например: *kevättuuli* „весенний ветер (досл. весна-ветер)“, *talvipäivä* „зимний день (досл. зима-день)“ и т. д.

В финском и других прибалтийско-финских языках, где богато представлены формы согласования в числе и падеже определения с определяемым, на фоне изменяемости одних слов неизменяемость других слов той же категории (части речи) может служить показателем того, что данное слово является не самостоятельным словом, а частью другого слова, т. е. компонентом сложного слова¹. Основную группу таких сложных слов в финском языке составляют сложные слова с падежно-неоформленным первым компонентом, выраженным именем существительным. Существительное, стоящее в форме номинатива перед другим существительным, служит определением последнего (по нормам финноугорских языков определение всегда предшествует определяемому, за исключением случаев, вызванных стилистическими соображениями). Поэтому компонент сложного слова, стоящий первым, определяет последующий. Смысловую нагрузку несет на себе второй, определяемый компонент. Например, сложное слово *sokeripala* состоит из двух слов: *sokeri* „сахар“ и *pala* „кусочек“, вместе означают „кусочек сахара“. С изменением порядка компонентов: *palasokeri* — изменится и смысл, определяющим становится слово *pala* „кусочек“, а определяемым слово *sokeri* „сахар“, вместе означают „кусковой сахар“. То же самое со словами *vesisade* и *sadevesi*: первое означает „дождь (досл. вода-дождь)“, второе же — „дождевая вода“; слова *ikäloppi* и *loppiikä*: первое означает „престаре-

¹ Примечание. В других финноугорских (не-прибалтийско-финских) языках, где определение не согласуется с определяемым, такие образования принято относить не к сложным словам, а к определительным словосочетаниям с типом связи примыкание, например, мордовское: *тумо лопа* „дубовый лист (досл. дуб-лист)“, *теле чи* „зимний день (досл. зима-день)“, см. М. Н. Колыденков. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков, ч. II, синтаксис, Саранск, 1954, стр. 48; марийское: *олма сад* „яблоневый сад (досл. яблоко-сад)“, *колхоз пасу* „колхозное поле (досл. колхоз-поле)“, см. Я. Г. Григорьев. Марийский язык, Йошкар-ола, 1953, стр. 177; коми: *пу пань* „деревянная ложка (досл. дерево-ложка)“, *ыргон пдрт* „медный котел (досл. медь-котел)“, см. А. Сидоров. Порядок слов в предложении коми языка, Сыктывкар, 1950, стр. 35; венгерское: *arany ora* „золотые часы (досл. золото-часы)“, *seljett hai* „шелковые волосы (досл. шелк-волосы)“, см. И. Балашша. Венгерский язык (перевод с венгерского), М., 1951, стр. 326.

тый, отживший свой век“, а второе — „конец, последняя часть жизни“, *juhlavuosi* „юбилейный год“, а *vuosijuhla* „годовщина“, *työpiirustus* „рабочий чертеж“, а *piirustustyö* „чертежная работа“, *katto-olki* „солома для крыши“, *olkikatto* „соломенная крыша“, *rahahopea* „серебро для чеканки монет“, а *hopearaha* „серебряная монета“, *pelikortti* „игральная карта“, а *korttipeli* „карточная игра“ и т. д.

В отдельных случаях разница улавливается труднее, например: *emokarhu* означает „медведица (досл. мать, самка-медведь)“, дается характеристика по отношению к детенышам, а *karhuemo* означает также „медведицу (досл. медведь-мать, самка)“, но характеристика дается по отношению к полу; *automaattipuhelin* означает „телефонный аппарат“, подключаемый в автоматическую телефонную сеть, а *puhelinautomaatti* означает „телефон-автомат“, выставляемый для общего пользования и т. д.

Следует, однако, отметить, что лишь незначительное количество слов допускает перестановку компонентов с сохранением смысловой целостности образования. Например, возможно образование *talvipäivä*, что означает „зимний день“, но логически невозможно образование с обратным порядком тех же компонентов: *päivätalvi*. В таком случае это означало бы „дневная зима“ и т. д.

При склонении сложного слова первый компонент, выраженный именем существительным, остается без изменения и таким образом выпадает из категории самостоятельного слова.

Сложные слова с первым компонентом, выраженным именем существительным в форме номинатива, в большом количестве случаев соотносительны со словосочетаниями, в которых определяющий компонент выражен именем прилагательным, производным от этого же имени существительного, например: *kivitalo* и *kivinen talo* „каменный дом“, *aamurusko* и *aamuinen rusko* „утренняя заря“, *hallavuosi* и *hallainen vuosi* „год, когда много заморозков“, *kevätaurinko* и *keväinen aurinko* „весеннее солнце“, *talvi-ilta* и *talvinen ilta* „зимний вечер“, *punalippu* и *punainen lippu* „красный флаг“.

Отсутствие словоизменительных элементов у первого компонента в образованиях типа *kivi'alo*, *aamurusko* и т. д. служит, таким образом, показателем несамостоятельности слова и вместе с тем показателем цельнооформленности сложного слова. Связь между компонентами такого образования представляется тесной и неразрывной.

Неоформленным в качестве первого компонента сложного слова может выступать также имя прилагательное: *isovanhemmat* „предки (досл. большой-старшие)“, *opiskella korkeakoulussa* „учиться в высшей школе, вузе (досл. высокий-школе)“, *olla mus'assa pi'kätakissa* „быть одетым в черный сюртук (досл. длинный-пиджаке)“, *matalameren vyöhyke* „зона подводного продолжения материка (досл. мелкий-моря)“ и т. д. Примеры в тексте:

Miksi puhuikaan tuota
tuollaista kuin jotkut iso-
vanhemmat joskus keske-
nään.

(Joenpelto, „Kivi palaa“)

Почему только он гово-
рил такое, подобно каким-
то старикам (досл. большой-
старшие), когда-то говорив-
шим между собою.

Ei se ollut kotoaan kauem-
pana kuin Laihalammella.

(Joenpelto, „Kivi palaa“)

Он никогда не отлучался
от дома дальше Лайхалампи
(досл. на Лайхаламбе).

Mantereiden läheisyydessä sijaitsee *matalameren* vyöhyke l. shelf, syvyys enintään 200 m.

(„Nykysuomen sanakirja“)

Вблизи от суши находится зона подводного продолжения материка (*досл. мелкое-моря*), так наз. шельф, глубина которого не более 200 м.

Однако таких примеров в финском языке очень немного. Как правило, имя прилагательное с именем существительным образует свободное синтаксическое словосочетание с самостоятельным оформлением составных компонентов, например: *iso poika* „большой мальчик“, *isolla pojalla* „у большого мальчика“, *isolle pojalle* „большому мальчику“ и т. д.

Вместе с тем в финском языке имеется немногочисленная группа устоявшихся образований (принятых в финских грамматиках относить к сложным словам), первый компонент которых выражен также качественным прилагательным типа *nuori* „молодой“: *nuorimies* „молодой человек, холостяк“; *vieras* „чужой“: *vierasmies* „свидетель“; *pitkä* „длинный“: *pitkäsiima* „перемет (*досл.* длинная леса)“; *uusi* „новый“: *Uusimaa* „Ньюланд (*досл.* Новая земля)“; *Vähäkyrö* „Вяхякюро (*досл.* Малое Кюро)“; или местоимением *oma* „свой“: *omatunto* „совесть (*досл.* свое чувство)“ и т. д.

При склонении этого образования первый компонент имеет такое же оформление, как и второй, т. е. согласуется со вторым компонентом в числе и падеже, например: *nuortamiestä* „молодого человека“, *nuorellemiehelle* „молодому человеку“ и т. д. Примеры в тексте:

Ja niitä hän järjesteli pareiksi: rikkaita *vanhojapii-koja* köyhille *nuorillemiehille*, köyhiä nuoria tyttöjä varakkaille *vanhoillepojille*.
(*Talvio* по „Nykysuomen sanakirja“)

И потом он устраивал их парами: богатых *старых* дев за бедными *холостяками*, бедных молодых девушек за состоятельными *старыми холостяками*.

En halunnut *omalletunnolleni* kenenkään sairautta, kenties kuolemaa.

(*Nokelainen*, „Tie päättyy...“)

Я не хотел брать на свою совесть (*досл. на свое-на чувство*) ничьей болезни, тем более смерти.

По самостоятельности склонения компонентов не следует считать сложным словом также местоимение *jompikumpi* „который-либо (из двух)“. При склонении у этого сложного местоимения изменяются по падежам и числам оба компонента, которые по традиции принято писать слитно, например: *jommassakummassa*, *jommallakummalla* и т. д.

Kävi nyt yhä useammin niin, että kun *jommankumman*, Hilman tai Kustaan, puhe sattumaltaan kosketti jotain plihtarilaista, niin...
(*Sillanpää*, „Nuorena nukunut“)

Все чаще и чаще случалось так, что когда речь *какого-либо* (из двух), Хильмы или Кустаа, случайно касалась *кого-либо* из плихтарцев, то...

Kerran sattui, että joku mökkiläinen esitti asiansa

Однажды случилось, что какой-то хуторянин толковал

nlin, että siinä oli lähellä хозяину о деле, когда побли-
Kustaa ja joitakuista muita- зости находился Кустаа и
kin miehiä. несколько других мужчин.

(*Sillanpää*, „Nuorena nuk-
kunut“)

Указанные здесь образования не могут являться сложными словами в силу самостоятельности оформления компонентов, а представляют собою фразеологические единства, принятые в финских источниках обычно писать слитно. Но при богато развитой современной системе склонения для слитного написания их нет никакого основания. Поэтому не случайно, что в их написании имеется разноречивость. У одного и того же писателя, в одном и том же произведении они могут встречаться как слитно, так и раздельно, а „Современный толковый словарь финского языка“, приводя их в слитном написании, сплошь и рядом сопровождает пометой „*muo*“ „также раздельно“ или „*paremmin*“ „лучше раздельно“.

Поэтому, если исходить из того, что основным признаком любого слова, в том числе и сложного слова, является его цельнооформленность, выраженная определенными материальными показателями, то приведенные здесь образования таких показателей цельнооформленности не имеют. Связь между компонентами в них зиждется только на семантической спаянности. Самостоятельность компонентов в них формально сохраняется полностью, абсолютно. К категории сложных слов их можно причислить лишь на основании семантического признака, но поскольку семантический признак служит лишь „дополнительным условием“ (Д. В. Бубрих) всех сложных слов в отличие от словосочетаний, то выделять его в особый критерий нет основания. Следовательно, такие образования с согласующимися в числе и падеже компонентами выпадают из категории сложных слов. По самостоятельности компонентов их следует относить к фразеологическим единствам типа *seitsemäs taivas* „сдьмое небо“, *maan suola* „соль земли“, *löylyn lyömä* „взбалмошный, сумасбродный (досл. паром ударенный)“, *tuhat tulimmaista* „тысяча чертей (досл. тысяча самых горячих)“ и др., которые внешне напоминают словосочетания, но отличаются от них своей „семантической спаянностью“. Внешние показатели цельнооформленности у фразеологических единств отсутствуют. Фразеологические единства в отличие от лексических единиц, т. е. слов (в том числе и сложных слов), могут быть раздельнооформленными. Фразеологические единства, как и слова, входят в состав лексических средств языка и не всегда поддаются разложению на составные компоненты. Попытка разложения фразеологических единств на составные компоненты в целом ряде случаев в современном языке ведет лишь к познанию этимологической природы фразеологического единства, а не синтаксических функций его компонентов.¹

Сложное слово отличается от словосочетания своим грамматическим оформлением или грамматическими формами падежа, числа и пр., которые материально, во внешних звуковых различиях выражают разницу между отдельными разновидностями одного и того же слова. Словосочетание состоит из таких же элементов — слов, но отличается от слова целым рядом особенностей. Слово, в том числе и сложное,

¹ В. В. Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, Труды комиссии по истории Академии наук СССР; вып. 3, посвященный акад. А. А. Шахматову, М.—Л., 1937, стр. 364. Сравни также в книге „Русский язык“, Учпедгиз, 1947, стр. 21—28.

может принимать словообразовательные суффиксы, благодаря которым способно выражать новые понятия, например: *vetää* „тянуть“ и *veturi* „паровоз (досл. тягач)“, *valokuvata* „фотографировать (досл. свет-изображать)“ и *valokuvaaja* „фотограф“ и т. д., или придавать понятию новый качественный оттенок, например: *lintu* „птица“ и *lintunen* „птичка“, *päivä* „солнце, день“ и *päivyt* „солнышко“ и др. Словосочетания такой возможностью не обладают. Но словосочетания, как и слова, способны изменяться по формам, т. е. обладают системой форм, соотносительной с формами главного слова, например: *punainen lippu* „красный флаг“ (номинатив), *punaista lippua* „красного флага“ (паритив), *punaisista lipuista* „о красных флагах“ (элатив множ. ч.) и т. д.

Простое слово обладает определенными фонетическими признаками, например, гармонией гласных: *ka'a — kalassa* „рыба — в рыбе“, *metsä — metsässä*, „лес — в лесу“; ассимиляцией: *tuollainen* (из *tuon + lajinen*) „такой, таковой, подобный“, (однако: *tällainen* из *tämän + lajinen* „такой“), *tämmöinen* (из *tämän + moinen*) „этакий, такой“; а сложное слово еще и объединяющим ударением¹: *isänmaa* (из *isän + maa*) „отечество“, *vierashuone* (из *vieras + huone*) „гостиная“ и т. д. Словосочетания такими особенностями не обладают.

Для отграничения сложного слова от словосочетания, кроме семантической целостности, выступающей в качестве „дополнительного условия“ при всех случаях образования сложного слова, можно выделить следующие критерии, основанные на фонетических, морфологических и синтаксических явлениях.

а) Фонетический критерий

Фонетическим критерием отграничения сложного слова от словосочетания является ударение¹. Ударение в финском языке за редкими исключениями² всегда стоит на первом слоге слова. При словосложении второе и последующие за ними слова, становясь компонентами сложного слова, полностью или частично теряют свое ударение. Сложное слово получает одно или несколько ударений, из которых главное, т. е. наиболее сильное, падает на первый слог первого слова-компонента. Это наиболее сильное ударение и является тем фактором, который объединяет два слова в одно сложное слово и вместе с тем служит признаком его цельнооформленности, т. е. служит тем „порогом“, переступив который, образование переходит из одной категории в другую. Без объединяющего ударения эти же компоненты составили бы не сложное слово, а словосочетание, с вытекающим отсюда смысловым различием.

Примеры сложного слова: Примеры словосочетания:

pieniraha „мелочь, мелкие деньги“ из *pieni* „маленький“ + *raha* „деньга“ *pieni raha* „маленькая денежка“

¹ Ударный гласный дается полужирным.

² Например, при произношении некоторых многосложных междометий: *jaaa*, *jahaa*, *aijai* „да, ага“; отдельных вопросительных местоимений: *mitenkä?* *mitä?* (сравни русск. „что?“); в некоторых словах на *-sti*: *nähtävästi* „очевидно“, а также в ряде сложных слов типа: *jok'ainoa* „каждый“, *kutakuinkin* „кое-как“ и т. д. (См. Aarni Penttilä, цитируемая работа, стр. 21).

<i>isänkoti</i> „отчий дом“ из <i>isän</i> „отца“ + <i>koti</i> „дом“	<i>isän koti</i> „дом, принадлежащий отцу“
<i>lapsensänky</i> „детская кровать“ из <i>lapsen</i> „ребенка“ + <i>sänky</i> „кровать“	<i>lapsen sänky</i> „кровать, принадлежащая ребенку или кровати, на которой спит ребенок“
<i>vapaaooppilas</i> „вольнослушатель“ из <i>vapaa</i> „вольный“ + <i>oppilas</i> „ученик“	<i>vapaa oppilas</i> „свободный (например, от занятий) ученик“
<i>vieraskirja</i> „книга посетителей“ из <i>vieras</i> „чужой, гость“ + <i>kirja</i> „книга“	<i>vieras kirja</i> „чужая книга“
<i>korkeakoulu</i> „вуз, высшая школа“ из <i>korkea</i> „высокий“ + <i>koulu</i> „школа“	<i>korkea koulu</i> „высокая школа (например, в отличие от низкой школы)“

Компоненты сложных слов в приведенных выше примерах с самостоятельным ударением на каждом из них (*isän koti*, *korkea koulu* и т. д.) воспринимаются как отдельные слова с присущим им самостоятельным значением. В таком случае это образование может рассматриваться как синтаксическое словосочетание определения с определяемым. При общем, объединяющем ударении (*isänkoti*, *korkeakoulu* и т. д.) это образование получает внешнее, материальное выражение цельнооформленности. Внутренним содержанием цельнооформленности такого образования является семантическая спаянность или „сплавленность“ его компонентов, которые вместе выражают новое понятие, отличающееся от „суммы“ понятий, выраженных компонентами в отдельности. „Сумма“ понятий *korkea koulu* означает определенный размер учебного здания, школы, а „целое“ понятие *korkeakoulu* означает определенный тип учебного заведения — высшую школу, вуз. Таким образом показателем цельнооформленности, отличающей и вместе с тем отграничивающей сложное слово от словосочетания, в данном случае выступает фонетический фактор — объединяющее ударение. Цельнооформленность графически передается слитным написанием.

б) Морфологический критерий

Под морфологическим критерием отграничения сложного слова от словосочетания понимается изменение, которое претерпевает основа или окончание одного из слов-компонентов (обычно первого компонента). Такое изменение окончания или основы, включающее и появление новых элементов¹, служит признаком того, что слова-компоненты образуют сложное слово, а не словосочетание.

В финском языке такими морфологическими показателями цельнооформленности сложных слов служат изменения, происходящие в составе первого слова-компонента. Эти изменения можно разделить на несколько групп:

¹ Сравни появление соединительных гласных „о“ и „е“ в русском языке в словах типа „паровоз“, „земледелие“ и др.

1. Изменение гласной основы первого компонента (появление новых гласных или замена одних гласных другими).¹ Например, конечный гласный *-a-* первого компонента сложного слова перед вторым компонентом сложного слова переходит в *-o-*²:

aita + vieri → *aitovieri* „место около забора“
karja + piha → *karjopiha* „загороженная террито-
 рия около скотного двора“
jalka + pää(ssä) → *jalkopäässä* „в ногах (напеч.)“

Примеры в тексте:

Aamuvirkku västäräkki Vзлетев на гребень крыши
 keikuttii pyrstöänsä Nukarin сви́нарника Нукари, трясогуз-
 sikoläävän harjalla. ка, ранняя пташка, покачива-
 (Sillanpää, „Nuorena nuk- ла своим хвостиком.
 kunut“)

Valkoinen porsasparvi oli Белое стадо поросят пова-
 latoutunut karjapihan aitovie- лилось спать *около забора*
 reen nukkumaan. скотного двора.

(Lassila, „Liika viisas“)

Salma istui vuoteensa jal- Сайма сидела *в ногах* своей
 kopäässä ja piteli toisella постели и одной рукой при-
 kädellä ikkunaverhoa. держивала занавеску.

(Joenpelto, „Kivi palaa“)

He menivät karjopihaa Они шли *к скотному дво-
 kohden, jossa lehmät... heitä ру*, где... их ожидали коровы.
 odottivat.

(Sillanpää, „Nuorena nuk-
 kunut“)

Аналогичного рода изменения (переход *-a-*, *-ä-* и *и* в *-i-*)³ встре-
 чаются в словах типа:

nuottikota (из *nuotta + kota*) „сарай для сушки сетей“
huhtikuu (из *huhta + kuu*) „апрель“
lehmikarja (из *lehmä + karja*) „стадо коров (досл. коровье
 стадо)“
metsikana (из *metsä + kana*) „куропатка (досл. лесная ку-
 рица)“
silmivoide (из *silmä + voide*) „мазь для глаз“
seinivieri (из *seinä + vieri*) „место около стены“

¹ Следует отметить, что такие случаи в современном финском языке довольно редки и количественно не могут идти в сравнение с почти аналогичным явлением в русском языке. В финском языке это — остаточное явление, поэтому многие из таких слов имеют оттенок диалектного употребления. Ряд из них в „Nykysuomen sanakirja“ отмечены пометой *kans.[anomaisista]* „прост.[оречие]“, например, *metsikana* (вместо *metsäkana* „куропатка“ и др.).

² Исторически *o* на месте *a* могло появиться из дифтонга *oi*, где *i* было исконным или продолжало *j* в связи с отпадением гласного после этого *j*: *aidoi-veeri* (с *oi* из *ai*) было *aidai*, где *a* перед *i* перешло в *o*, а *i* выпало: *aidai* > *aidoi*: *aitovieri* (см. Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского-суоми языка, Петрозаводск, 1948, стр. 82).

³ По объяснению А. Адьквиста определительный компонент в таких сложных словах взят в форме основы множественного числа, где *i* как раз и служит признаком множ. ч., сравни *metsässä* — *metsissä* „в лесу — в лесах“ и др. (А. Ahlqvist, цитируемая работа, стр. 36).

ikirunoja (из *ikä* + *runo*) „вечный рунопевец“
Oravikoski (из *orava* + *koski*) „Оравикоски — геогр. название
 (досл. Беличий порог)“
naarmiselkä (из *naarmu* + *selkä*) „спина с рубцами“

Kuorma vain korkea ja
 kuorman päällä ukko, edessä
 sitkeä, *naarmiselkä* koni ja
 ilmassa vinkuva solmuslima
 ruoska.

(*Haanpää*, „Jutut“)

Высокий воз да на возу
 старик, впереди выносивая
 кляча с рубцами от следов
 кнута на спине да свисгающий
 в воздухе кнут с узлом на
 конце.

Своеобразная форма основы выступает у некоторых имен числительных в составе первого компонента сложного слова. По объяснению М. Садениеми¹, с которым нет основания не согласиться, форма числительного *neli-* (из *neljä* „четыре“) образована по аналогии с формой *heini-* (из *heinä* „сено“, где *-ä-* переходит в *-i-*). Числительные *seitsemän* „семь“ и *kymmenen* „десять“, а также, очевидно, *kolme* „три“ в составе сложного слова выступают в первоначальной коренной форме (*alkuperäisiä perusmuotoja*): *seitsen-*, *kymmen-*, *kolmi-* — формы, которые в современном языке отдельно уже не встречаются. Сюда же М. Садениеми относит и числительное *tuhat* „тысяча“, которое в составе словосочетания, как правило, выступает в форме *tuhannen*, а в составе сложного слова в форме *tuhat-*.

Интересно отметить дифференцированное употребление той или иной формы имен числительных в составе сложного слова. В составе сложного имени прилагательного такие числительные, как правило, употребляются в форме современного номинатива, например: *kolmekiloinen* „трехкилограммовый“, *neljäjalkainen* „четвероногий“, *seitsemänkuukautinen* „семимесячный“, *tuhathenkinen* „тысячный, состоящий из тысячи человек“ и т. д. В составе сложного имени существительного, как правило, указанные имена числительные выступают в „первоначальной коренной форме“: *neli-*, *kolmi-*, *seitsen-*, *kymmen-*: *kolmiapila* „трехлистный клевер“, *kolmiliitto* „союз трех“, *kolmiloikka* „трехкратный прыжок“, *nelisäe*, *nelirivi* „четверостишие“, *nelivaljakko* „четверка (лошадей)“, *seitsentähdet* „созвездие из семи звезд“, *kymmenluku* „число, делящееся на десять“ и т. д. Но это лишь тенденция, точного правила для всех указанных числительных вывести нельзя.

2. В сложных словах с первым компонентом, выраженным производным именем прилагательным на *-nen* или именем существительным, имеющим в номинативе единственного числа форму на *-nen*, как правило, выступает согласная основа на *-s-*: *tuulis-*, *tois-*, *ihmis-*, *pakkas-* (их гласные основы: *tuulise-*, *toise-*, *ihmise-*, *pakkase-*) и т. д., например:

а) сложные слова с именем прилагательным в роли определяющего компонента:

herrasrouva (из *herranen* + „госпожа (досл. господская
rouva)² дама“)

¹ M. Sadeniemi. Lukusanoista yhdyssanan alkuosana, „Virittäjä“, 1954, 3. viikko, стр. 341 и след.

² Примечание: нельзя с такими словами смешивать редкие сложные слова, в которых *-s-* относится ко второму компоненту — имени существительному.

<i>kokonaiskuva</i> (из <i>kokonainen</i> + <i>kuva</i>)	„портрет в натуральную величину (досл. целая картина)“
<i>kansalliskieli</i> (из <i>kansallinen</i> + <i>kieli</i>)	„национальный язык“
<i>kokonaissumma</i> (из <i>kokonainen</i> + <i>summa</i>)	„общая сумма (досл. целая сумма)“
<i>yksityistapaus</i> (из <i>yksityinen</i> + <i>tapaus</i>)	„частный случай“
<i>toiskertainen</i> (из <i>toinen</i> + <i>kertainen</i>)	„вторичный“
<i>toiskielinen</i> (из <i>toinen</i> + <i>kieli</i>)	„на другом языке, иноязычный“
<i>suomalais-ugrilainen</i> (из <i>suomalainen</i> + <i>ugrilainen</i>)	„финноугорский“
<i>pienoiskivääri</i> (из <i>pienoinen</i> + <i>kivääri</i>)	„мелкокалиберная винтовка“

Romanssi — lyhyehkö romanttissävyyinen lyyrilliseepillinen runo.

(„Nykysuomen sanakirja“)

Романс — это короткое романтического тона лирико-эпическое стихотворение.

Niistä (radiovastaanottimista) löytää jokainen itselleen sopivamman mallin, niin maalaistuvan pöydälle kuin loisteliampaan kaupunkilaiskotiinkin.

(Aikakauslehti „Talouselämä“)

Среди них (радиоприемников) каждый найдет для себя подходящий образец как на стол сельской избы, так и на стол самого роскошного дома в городе.

б) Сложные слова с именем существительным в роли определяющего компонента:

<i>pakkastalvi</i> (из <i>pakkanen</i> + <i>talvi</i>)	„морозная зима“
<i>ihmiskunta</i> (из <i>ihminen</i> + <i>kunta</i>)	„человечество, человеческий род“
<i>ihmislapsi</i> (из <i>ihminen</i> + <i>lapsi</i>)	„дитя человеческое (досл. человек-ребенок)“
<i>ihmisalku</i> (из <i>ihminen</i> + <i>alku</i>)	„ребенок (досл. человека-начало)“
<i>naisedustaja</i> (из <i>nainen</i> + <i>edustaja</i>)	„женщина-депутат“
<i>ukkospilvi</i> (из <i>ukkonen</i> + <i>pilvi</i>)	„грозовая туча“
<i>ihmismassa</i> (из <i>ihminen</i> + <i>massa</i>)	„человеческая масса“
<i>hevosvoima</i> (из <i>hevonen</i> + <i>voima</i>)	„лошадиная сила“
<i>kovakuoriaiskokoelma</i> (из <i>kovakuoriainen</i> + <i>kokoelma</i>)	„коллекция жуков жесткокрылых“

займствованному из другого (шведского) языка и имеющему *s-* в начале следующего слова, например: *narrispeli* (из *narri-speli* „дурацкая игра“), *saarnastuoli* (из *saarna-stuoli* „кафедра для проповеди“) и др.

Niin tyttö ensiksi joutui taloon, jossa hän oli ainoana naispalvelijana.

(*Sillanpää*, „Nuorena nukunut“)

Так девушка сначала попала в дом, в котором она была единственной женской прислугой (*досл. женщина-прислугой*).

Ovathan ihmiset kaikkialla kultenkin samoja — tyhmiä, ihmislapsia.

(„*Nykysuomen sanakirja*“)

Ведь человек всюду один и тот же — неразумное дитя человеческое.

Отдельные сложные слова с первым компонентом, выраженным именем существительным, оканчивающимся на согласную основу *-s-*, могут употребляться и в генитивной форме с окончанием на *-sen* без изменения в значении, например: *ihmislapsi* и *ihmisenlapsi* означают одно и то же „человек, дитя человеческое“, *ihmisalku* и *ihmisenalku* „ребенок“, *ukkosilma* и *ukkosenilma* „гроза“, *hevosloimi* и *hevoslenloimi* „попона“ и т. д.

В таких сложных словах первый компонент может выступать и в форме генитива множественного числа, если он служит определением второго компонента, означающего лицо или предмет, к которому в той или иной форме имеет отношение не один человек, а определенный коллектив, например: *lastenkoti* „детдом (*досл. детей-дом*)“, *lastenhoitaja* „няня (*досл. детей-присматривающий*)“ и др. В отдельных случаях формы единственного и множественного числа существуют параллельно, почти без всякого различия в смысловом отношении сложного слова; *lapsensänky* и *lastensänky* означают одно и то же: детская кровать. Но если эти же компоненты сложного слова употребить как компоненты словосочетания, то разница между словосочетаниями будет значительная. *Lapsen sänky* означает „кровать одного ребенка, кровать, принадлежащая одному ребенку, или кровать, на которой спит один ребенок“, а *lasten sänky* означает „одна кровать для многих детей или одна кровать, принадлежащая многим детям, или одна кровать, на которой спят многие дети“. Таким образом, в сложном слове, где в отношениях между компонентами на первом плане стоит характеристика по качеству, единственное или множественное число первого компонента не имеет значения, но в словосочетании, где между компонентами на первое место выступают определительные отношения или характеристика по отношению, где компоненты самостоятельны, единственное или множественное число первого компонента играет большую роль. В ряде случаев за формой сложного слова с первым компонентом в единственном числе закрепилось одно понятие, а за формой с множественным числом — другое. Например: *lastenkieli* (мн. ч.) означает „детский язык, лексикон“, а *lapsenkieli* (ед. ч.) означает „детский язык, произношение“.

Koira on lastenkielessä hauva, kissa kisu ja lehmä ammu.

(„*Nykysuomen sanakirja*“)

Собака на детском языке называется „хаува“, кошка „кису“, корова „амму“.

Poikanen alkoi jokeltaalla lapsenkielellä matkia merimieslauluja.

(„*Nykysuomen sanakirja*“)

Мальчуган начал напевать матросские песни детским лепечущим голосом.

3. У существительных плюралиа-тантум, являющихся определительным компонентом сложного слова, выступает форма единственного числа.

По своему содержанию существительные плюралиа-тантум в финском языке можно разделить на две основные группы: а) существительные, обозначающие торжества, народные сборища, игры и т. д.: *avajaiset* „открытие“, *saattajaiset* „проводы“, *tanssiaiset* „танцы“, *tupaantuliaiset* „новоселье“, *hää* „свадьба“, *markkinat* „ярмарка“, *kilpailut* „соревнование“ и т. д. и б) существительные, имеющие парные части: *sakset* „ножницы“, *housut* „брюки“ и др. Все они в составе сложного слова выступают в форме единственного числа, при этом одни из них претерпевают изменения в основе и образуют сложное слово, как и группа имен существительных и прилагательных на *-nen*, т. е. с согласной основой на *-s-*, а другие просто теряют признак множественного числа *-t*, например:

а) примеры первой группы:

avajaispuhe (из *avajaiset* + *puhe*)

„речь на торжестве открытия“

saattajaistilaisuus (из *saattajaiset* + *tilaisuus*)

„проводы (досл. мероприятие проводов)“

tupaantuliaislahja (из *tupaantuliaiset* + *lahja*)

„подарок на новоселье“

ristiäisvieras (из *ristiäiset* + *vieras*)

„гость на крестинах“

Salmeuksen Kustaakin tanssi ensimmäisenä varsinaisena *vihkiäisiltana*.

Даже Кустая Салмеус танцевал в самый первый *вечер венчания*.

(*Sillanpää*, „Nuorena nukkunut“)

б) примеры второй группы:

markkinaväki (из *markkinat* + *väki*)

„люди с ярмарки“

urkuharmooni (из *urut* + *harmoni*)

„физгармония“

valtiopäivävaalit (из *valtiopäivät* + *vaalit*)

„выборы в сейм“

Ja perillä oli Salmeuksen Kustaa, valoisa ja komea *häävieras*.

Уже прибыл Кустая Салмеус, сияющий и красивый свадебный гость (досл. *свадьба-гость*).

(*Sillanpää*, „Nuorena nukkunut“)

4. Прилагательные, имеющие в номинативе окончание *-t*, в большинстве случаев в составе первого компонента сложного слова теряют его и выступают в усеченной форме с согласной основой, например:

suurkaupunki (из *suuri* + *kaupunki*)

„великий город“

suurtilallinen (из *suuri* + *tilallinen*)

„крупный дворянин“

suursyömäri (из *suuri* + *syömäri*)

„обжора“

suurmestari (из *suuri* + *mestari*)

„гроссмейстер“

suursiivous (из *suuri* + *siivous*)

„генеральная уборка“

täyskuu (из *täysi* + *kuu*)

„полнолуние“

pienmaanviljelijä (из *pieni* + *maanviljelijä*)

„мелкий земледелец“

pienteollisuus (из *pieni* + *teollisuus*)

„мелкая промышленность“

uuspainos (из *uusi* + *painos*)

„повторное издание“

uuskreikka (из *uusi* + *kreikka*)

„новогреческий (язык)“

Kuin *kuinka* kuvittelee *kaan* *nuori*, *juuri* *ripille* päässyt *mökin* *tyttö* *palveluspaikkaa* *tuollaisessa suur**talossa*.

Как представляет себе место служанки в знатном доме молодая сельская девушка, только что прошедшая конфирмацию.

(*Sillanpää*, „Nuorena nukunut“)

Punainen täyskuu pyrki *esiin* *jostakin* *välistä*.

Красный диск луны (досл. полная луна) всплыл с какого-то просвета.

(*Sillanpää*, „Nuorena nukunut“)

Suurpankit ovat *sysänneet* *syryjään* *pienet* *pankit*.

Крупные банки оттолкнули в сторону мелкие банки.

В ряде случаев усеченная и полная форма первого компонента в составе сложного слова существует параллельно и слова не имеют никакой разницы, например: *suurpiirteinen* и *suuripiirteinen* „грандиозный, широкого размаха“, *täyskuu* и *täysikuu* „полнолуние“.

Однако в своем большинстве усеченная форма прилагательного выступает только в качестве компонента сложного слова, а полная форма — в качестве компонента словосочетания, внося соответствующее изменение и в содержание нового образования, например: *suurtalo* означает „знатный дом“, а *suuri talo* означает „большой дом“; *suurmestari* означает „гроссмейстер“, а *suuri mestari* „большой мастер“, *nuogrammaatikko* означает „младограмматик“, а *nuori grammaatikko* „молодой грамматик“ и др.

В отдельных случаях в составе сложного слова употребляется только усеченная форма прилагательного на *-i*, например: *täysorpo* (из *täysi* + *orpo*) „круглый сирота“, *täyssilkki* (из *täysi* + *silkki*) „чистый шелк“, *täysverinen* (из *täysi* + *verinen*) „полнокровный“ и др.

5. У некоторых имен существительных, наречий и прилагательных, выступающих в качестве компонента сложного слова, в форме номинатива выпадает последняя гласная или происходит изменение внутри основы. Эти же слова, выступающие в качестве компонента словосочетания или в сочетании с другими словами, изменений не претерпевают. Например, сложное слово *jumalauta* и сочетание *jumala, auta*. Первое означает восклицательное междометие, смысл которого приблизительно можно передать русским выражением „черт побери“, а второе означает оборот с обращением „помоги, бог“; сложное слово *tarkk'ampuja* (наряду с *tarkka-ampuja*) означает „снайпер“, а слово-

сочетание *tarkka ampuja* означает „меткий стрелок“, который может быть и не снайпером. Еще ряд примеров:

<i>ajastaika, aastaika</i> (из <i>ajas-</i> <i>ta + aika</i>)	„год“ (уст.)
<i>tästedes</i> (из <i>tästä + edes</i>)	„после этого“
<i>vastedes</i> (из <i>vasta + edes</i>)	„в будущем, впредь“
<i>vast'alkaja</i> (из <i>vasta + al-</i> <i>kaja</i>)	„новичок“
<i>parast'aikaa</i> (из <i>parasta +</i> <i>aikaa</i>)	„в настоящее время, как раз“
<i>vastikään</i> (из <i>vasta + ikään</i>)	„только что“
<i>jok'ainoa</i> (из <i>joka + ainoa</i>)	„каждый, все до единого“
<i>viher'varpunen</i> , наряду с <i>vihreävarpunen</i> (из <i>vih-</i> <i>reä + varpunen</i>)	„чиж, чижик“
<i>viherlaakso</i> (из <i>vihreä +</i> <i>laakso</i>)	„зеленая долина“
<i>viherhiukkaset</i> (из <i>vihreät +</i> <i>hiukkaset</i>)	„хлорофиллы“
<i>mailma</i> , наряду с <i>maailma</i> (из <i>maa + ilma</i>)	„мир“

Melkein jok'ainoa tunsin
minut.

Почти *каждый* меня знал.

El hän (Ilvari) ole Sal-
meuksen patruunalta mitään
pyytänyt, eikä, *jumalauta*,
tule pyytämäänkään.

Ничего не просил он (Ийва-
ри) у патрона Салмеус и, *ей-*
богу, просить у него не ста-
нет.

(*Sillanpää*, „Nuorena nuk-
kunut“)

К этой же группе примыкают сложные слова, у которых происхо-
дит изменение (выпадение конечных гласных) также и у второго
компонента; в составе словосочетания такие изменения не имели бы
места, например: *ykskaks* (из *yksi + kaks*) „очень просто (*досл.* раз-
два)“, *kenties* (из *ken + tiesi*) и *kukaties* (из *kuka + tiesi*) „возможно,
может быть“ (сравни сочетание *kuka tiesi* „кто знал“) и др.

Kenties muistettiin myös
Siljan säästöjä.
(*Sillanpää*, „Nuorena nuk-
kunut“)

Возможно, вспомнили и о
сбережениях Сильи.

Tänään olen terve, huo-
menna *kukaties* jo sairas tai
kuollut.

Сегодня я здоров, завтра,
может быть, я буду болен
или даже мертв.

(„*Nykysuomen sanakirja*“)

Сюда же можно отнести и такие образования, как *häthätäa*
„наскоро, на скорую руку“, *ylt'yleensä* „везде, повсюду, совсем,
совершенно“ и др.¹

¹ П р и м е ч а н и е. Перечисленные в п. 4 и 5 изменения в основе первого или второго компонентов можно объяснить не в силу каких-либо закономерностей, а в силу „стирания“ морфологически малоценных конечных звуков, и отпадение конечных гласных хронологически могло произойти в любое время. Поэтому не случайно, что

Таким образом в роли морфологического показателя цельно-оформленности, отграничивающего сложное слово от словосочетания, может служить целый ряд изменений в основе слова, выступающего в качестве первого компонента сложного слова, изменений, которые не имеют места, если это же слово выступает в качестве компонента словосочетания.

в) Синтаксический критерий

В качестве синтаксического критерия отграничения сложного слова от словосочетания может служить наличие в контексте определения или другого элемента, например, второго компонента у определяющей части и др., относящегося к сложному слову в целом или к какому-либо из его компонентов в отдельности, а также нарушение обычного „твердого“ (Д. В. Бубрих) порядка слов, характерного для нормы языка.

1. Наиболее прозрачно разница между сложным словом и словосочетанием выступает в тех случаях, когда в контексте имеется определение, относящееся к образованию как некоему целому; компоненты такого сочетания образуют сложное слово. Если же это определение относится только к одному из компонентов, то сочетание компонентов в целом образует не сложное слово, а словосочетание, например: *kuuluista luonnontutkija* „известный естествоиспытатель“ и *kuuluista elollisen luonnon tutkija* „известный испытатель живой природы“, *ahkera työn tekijä* „прилежный работник“ и *fyysillisen työn tekijä* „работник физического труда“; *hyvin hiekansekainen maaperä* „довольно песчаная почва“ и *karkean hiekan sekainen* „в смеси с грубым песком“, *aivan järjenvastainen* „совсем неразумный“ и *kaiken järjen vastainen* „против всякого разума“, *kovasti arvostettu* „весьма уважаемый“ и *suuressa arvossa pidetty* „пользующийся большим уважением“ и т. д.

2. Второй синтаксической особенностью, отграничивающей сложное слово от словосочетания, является порядок слов. В финском языке встречается целый ряд сложных имен прилагательных, образованных от сочетания имени существительного и имени прилагательного. Компонент, выраженный именем прилагательным, в таких сложных словах стоит после компонента, выраженного именем существительным, например: *mesimakea* „сладкий, как мед (досл. мед-сладкий)“, *jääkylmä* „холодный, как лед (досл. лед-холодный)“, *mai'ovalkea* „белый, как молоко (досл. молоко-белое)“ и т. д. При анализе таких образований оказывается, что они не соответствуют словосочетаниям порядком расположения своих компонентов: определение, которое в словосочетании было бы выражено прилагательным, стоит после определяемого, выраженного именем существительным. В словосочетании определение, выраженное прилагательным, стояло бы перед именем существительным, которое оно определяет, например: *makea mesi* „сладкий мед“, *kylmä jää* „холодный лед“, *valkoinen maito* „белое молоко“ и т. д.

Кроме того, прилагательное в современном финском языке в свободном синтаксическом словосочетании может определяться только наречием степени (сравни *erittäin kylmä* „очень холодный“, *kauhean*

отдельные сложные слова с полной основой первого компонента существуют параллельно с усеченной основой (см. Д. В. Бубрих. К вопросу о звукопереходе *ti > si* в финском языке, Советское финноугроведение, т. V, Петрозаводск, 1949, стр. 128).

vaikea „страшно трудный“ и т. д.), а здесь в роли его „определения“ выступает имя существительное. Это также противоречит нормам современного языка. Поэтому в данных примерах и порядок расположения компонентов, и нарушение норм сочетаемости служат показателем того, что эти образования составляют не словосочетание, а что-то другое. Судя по тому, что они выражают определенные единые понятия, понятия качества или признака через отношение к другим предметам, эти образования являются сложными прилагательными. Показателем цельнооформленности таких сложных слов служит невозможность синтаксической сочетаемости составляющих их компонентов (имя существительное стоит в роли „определения“ имени прилагательного). Отсутствуют также морфологические признаки согласования компонентов: *tarjottiin mesimakeata juoma* „угощали сладким, как мед (досл. мед-сладким), напитком“; *jääkylmässä vedessä* „в холодной, как лед (досл. лед-холодной), воде“ и т. д. Такие сложные имена прилагательные выражают отношения через сопоставление с именем существительным того качества, которое для последнего, т. е. имени существительного, является постоянным и неотъемлемым: *sysimusta* „черный, как уголь“, *kristallikova* „твердый, как кристалл“, *tulikuuma* „горячий, как огонь“ и т. д.

В отдельных из таких образований первый компонент выступает не в форме номинатива, а в форме генитива без всякой разницы в значении: *kivikova* (досл. камень-твердый) и *kivenkova* (досл. камня-твердый) означают одно и то же: „твердый, как камень“, *lumivalkea* (досл. снег-белый) и *lumenvalkea* (досл. снега-белый) — то же самое: „белый, как снег“ и т. п.

Несколько таких дополнительных образований: *höyhenkeveä keiju-kainen* или *höyhenkevyt keijukainen* означает „легкая, как пушинка, нимфа“, *rasvatyyni järvenpinta* „спокойная, как жир, гладь озера“, *kivikovaksi kuivunut savi* или *kivenkovaksi kuivunut savi* „глина, ставшая твердой (досл. высохшая), как камень“, *linjasuora tie* „дорога прямая, как линия“ и т. д. Примеры в тексте:

Tämän lumivalkoisen kyl-
män kuvatuksen menettämi-
nen tuntui hänestä korvaa-
mattomalta.

(*Tihl*, „Lehti kääntyy“).

Näin smaragdinvihreitä
lammikoita...

(*Brink*, „Velhojuuri“).

Потеря этого белоснежного
(досл. снег-белого), холодного
чучела для него казалась ни-
чем не восполнимой.

Я видел зеленые, как изум-
руд (досл. изумруда-зеленые),
пруды...

Приведенные здесь сложные слова по своему содержанию соотносительны со словосочетаниями, в которых выражаются сравнительные отношения, например: сложное слово *kivikova* и словосочетание *kova kuin kivi* означают одно и то же: *твердый, как камень* и др. Следует отметить, что данный тип сложных имен прилагательных в современном финском языке малочислен.

Имеется, кроме того, небольшая группа аналогично образованных сложных слов, выступающих как в роли прилагательного, так и в роли имени существительного с качественной семантикой. Признаком отграничения этих сложных слов от словосочетаний служит порядок расположения компонентов, сравни: сложное слово *kesäkuuma* „по-летнему жаркий“ или „жара, как летом (досл. лето-жара)“ и словосочетание *kuuma kesä* „жаркое лето“; сложное слово *talvipakkanen* „по-зимнему

морозный“ или „мороз, как зимой (досл. зима-мороз)“ и словосочетание *pakkanen talvi* „морозная зима“; сложное слово *yörimet* „по-ночному темный“ или „ночная темнота (досл. ночь-темнота)“ и словосочетание *pimeä yö* „темная ночь“ и т. д.

Такие сложные имена прилагательные-существительные образованы также путем сопоставления имени существительного (имеющего временную семантику или семантику состояния) с именем существительным, выражающим качество или свойство, которое типично для этого времени (периода), но является не неотъемлемым, не постоянным, а преходящим, но тем не менее типичным и характерным. Например, в вышеприведенном примере *kesäkuuma* выражается понятие „жара“ и „жаркий“ не отдельно, не самостоятельно, а через сопоставление с наиболее характерным, но не постоянным (как это было у аналогичных прилагательных) для этого понятия периодом года — летом. Лето может быть не только *kuuma* „жаркое“, но и *kylmä* „холодное“, и *sateinen* „дождливое“ и т. д., в то время как в сложном прилагательном *tulikuuma* „горячий, как огонь“ сопоставимое понятие *tuli* „огонь“ имеет постоянный признак *kuuma* „горячий“. Также и со словом *yörimet* „по-ночному темный“ или „ночная темнота“ — понятие *pimeä* определяется через сопоставление с наиболее опять-таки характерным, но не постоянным для ночи качеством (или признаком), т. к. *yö* „ночь“ может быть не только *pimeä* „темная“, но *valoisa* „светлая“, *lämmi* „теплая“ и т. д.

Примеры в тексте:

а) имена прилагательные:

Iltaviileä piha.

По-вечернему прохладный
(досл. вечер-прохлада) двор.

Kevät kylmä päivä.

По-весеннему холодный
(досл. весна-холодный) день.

б) имена существительные:

Istuttiin iltaviileällä tarinointiin.

Сели поболтать на вечерней прохладе (досл. на вечер-прохладе).

Lihan säilyttäminen kesäkuumalla.

Хранение мяса в летнюю жару (досл. в лето-жару).

Lumen sulaminen suojasi orailta kevät kylmiltä¹.

Таяние снега защищало озимь от весенних холодов (досл. от весна-холодов).

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

1. Теория словосочетания в финской языковедческой литературе разработана недостаточно, в силу чего сложные слова от словосочетаний отличаются лишь на основании семантического признака, что не всегда приводит к правильному решению вопроса. На этом основании в финских грамматиках к сложным словам принято относить и образования, передаваемые двумя словами, имеющими самостоятельное грамматическое оформление, например *nuorimies* „молодой человек“, *kova onni* „несчастливая судьба“, *pitkäsiima* „перемёт“, *Uusimaa* „Ньюланд (досл. Новая земля)“ и др. Такие образования не являются сложными словами, а представляют собою фразеологические единства,

¹ Все примеры по „Nykysuomen sanakirja“.

принятые в финских источниках, как правило, писать слитно. Но это „правило“ имеет много исключений и правописание таких слов колеблется.

В толковом словаре современного финского языка намечается тенденция трактовать образования, в которых семантическая спаянность менее заметна, как словосочетания (указывается на возможность или желательность раздельного написания).

2. Правила формирования словосочетаний в настоящее время в финском языке несколько отличны от правил, какие имели место в далеком прошлом (судя по языку „Калевалы“), или какие имеются в других финноугорских (не-прибалтийско-финских) языках со слабо развитой системой склонения имени прилагательного. На фоне изменяемости, т. е. согласования в числе и падеже одних слов, неизменяемость других слов той же категории в финском языке может служить показателем утери словом самостоятельного значения и перехода его из самостоятельного слова в категорию части или составного компонента другого слова. Поэтому такие образования, которые в других финноугорских (не-прибалтийско-финских) языках в силу слабо развитой системы склонения имен прилагательных принято считать словосочетаниями, в современном финском языке представляют собою сложные слова: *talvipäivä* „зимний день“, *kevätuuli* „весенний ветер“ и др.

3. Основным признаком сложного слова является его грамматическая цельнооформленность, выражаемая фонетически, морфологически и синтаксически. Признаком цельнооформленности может служить как наличие, так и отсутствие (там, где по современным нормам языка должны иметь место) морфологических показателей. Семантический признак, присущий в каждом отдельном случае перехода сложного слова в словосочетание, следует считать как побочный или дополнительный показатель и выделять его в самостоятельный критерий нет основания.

4. Исключительно большое количество сложных слов в финском языке придает особую важность вопросу отграничения их от словосочетаний. Такое отграничение не всегда является легким, но несмотря на всю сложность этого вопроса, разрешение его следует считать реальным, если учесть рассмотренные здесь критерии. При тщательном изучении условий в каждом отдельном случае почти всегда удается провести четкую границу между сложным словом и словосочетанием, а следовательно, и отличить сложное слово от словосочетания.
